

Артур Бузницкий

КСХС

Дневник давно погибшего самурая

18+

Артур Бузницкий

Дневник давно погибшего самурая

«ЛитРес: Самиздат»

2021

Бузницкий А. А.

Дневник давно погибшего самурая / А. А. Бузницкий — «ЛитРес: Самиздат», 2021

Однажды человек просыпается ранним утром и понимает, что он совсем не тот, кем есть на самом деле, кем представлял себя всю жизнь. И всё, что его сейчас окружает, то что он делает каждый день, это лишь некий жизненный фон, его временное убежище, в котором он, на самом деле, не живёт, а только приходит на короткое время, чтобы восстановиться от того, чем он занимается в действительности в своей жизни – спасением людей в разные времена от губельных для них одиночеств. И в то мартовское утро, когда в нём произошла эта перемена, когда он вернулся к самому себе настоящему, он начинает вспоминать и описывать то, чем он занимается на самом деле. Спасением и наблюдением.

Артур Бузницкий

Дневник давно погибшего самурая

Вступление

Когда-нибудь видели, как режут воздух? Как он становится материален на ваших глазах? Как луковица, которую сейчас начнут чистить слой за слоем, освобождая от всего лишнего, от всего ненужного, оставляя только самое важное, извечно скрытое, умело спрятанное от вас всегда...

Вот тогда, после этого, в ту же минуту вы всё поймёте, всё вспомните. Надо только одно условие – дожждаться этого времени, этой минуты. Когда сами сможете разрезать воздух вокруг себя, который как защитным слоем, как спасительным коконом, как скафандром, оберегал вас всё это время. До последнего. От всего...

Есть мир, который мы не видим, но его действительность всегда с нами...

Начало

Даже когда ты не смотришь в бездну,
бездна все равно смотрит на тебя.

02.02.2021

(время не установлено)

Зачем начинать этот дневник? Не знаю... может быть для того, чтобы когда-нибудь вернуться из сумерек привычных убежищ каждого дня. Куда всех нас однажды кто-то отводит в напрасной надежде, что там среди миражей нашей доброты, среди никому ненужных норм приличия, среди мнимой святости наших семей нас долго не найдет смерть, которая так любит задумчивых водителей, о чем-то мечтающих строителей, пьяных от доброты своей электриков, всех тех, кто так старательно помогает ей нас убивать под любым предлогом каждого дня.

Убивать за нашу мистическую тоску, необъяснимую и загадочную, которая внезапно охватывает нас и долго зовет в свою нежную пустоту среди глубокой ночи, ранним утром, в безмятежном благополучии любого дня. А может убивает за наши истинные призвания, которые мы так старательно прячем при свете все того же дня.

Сколько хороших добрых врачей даже не подозревают, что настоящее их призвание – быть палачами!

Равнодушными, холодными, совершенно спокойными в своей жестокости. Сколько их таких? Дворников с лицами апостолов и руками убийц? Хороших учителей с привычками каннибалов и с застенчивостью все тех же людей; святых, которым место только в аду...

Сколько тайн, этих сокровенных загадок скрыто, спрятано среди нас и одновременно открыты, обнажены до последних пределов и всегда доступны всем нам, потому что всегда потеряны на всех дорогах, всегда лежат под нашими ногами, но никому неинтересны, никому не нужны. Они ведь кем-то уже раскрыты, кем-то разгаданы, кем-то, но не вами.

Откровенность всегда ненавидима и никому не нужна на самом деле. Мало кто задумывается настоящая сила, настоящие мужество всегда скрыты в ежеминутной, ежесекундной уязвимости, в допустимости ранимости в любой момент. Это заведомая обезоруженность, умышленная открытость и есть истинная сила, и одновременно наказание для всех тех, кто в злом смехе переступает все пороги святости, все виды слабости, все степени беспомощности, напрасно полагая, что ничего за это не будет, возмездие не придет, наказания не наступит. Наивные, они никогда не учитывают феномена целого, конечности бескрайнего. Нанесенная кому-то рана, причиненная кому-то боль на самом деле причиняется себе. Только рану эту мы ещё не видим, боль свою ещё не ощущаем. Но это лишь временно. На самом деле, всё близко. Мы все рядом...

03.02.2021

(времени снова нет)

В средневековой Японии я был одним из самых непобедимых самураев своего времени, страшным в беспощадности к своим врагам, за спиной которого долгие годы извивались гибельными протуберанцами красно-жёлтых солнц окровавленные языки бесчисленных кладбищ из поверженных мною.

И вот однажды, застыв в который раз в холодном равнодушии на краю какого-то поля, в спокойном ожидании очередной схватки такой привычной и такой страшной всегда для кого-то, я как опытный, всезнающий зверь, в яростном покое вглядывался в очередной раз в группу стремительно приближающихся ко мне самураев, которых было больше двух десятков и которые почти все знали, что сегодня умрут и с невыносимым обречённым напряжением уже следили, как я с расчетливостью самой смерти жду их. Число людей, которые должны были сейчас умереть от моих рук, давно меня не волновало. Одним взмахом меча за неуловимые секунды, за мгновения я даже не разрубал, расчленил их, нескольких сразу, почти одновременно. И быстро умерев, они даже не понимали этого сразу, с удивлением глядя ещё живым глазами на куски своих тел вокруг себя. Таково было чудовищное мастерство моего владения мечем.

И тут перед самым боем я вдруг заметил на кончике лезвия своего меча маленькую стрекозу чем-то похожую своими разноцветными невесомыми крылышками на диковинную бабочку. Красиво переливаясь в лучах восходящего солнца, она вдруг повернула ко мне свою головку и посмотрела на меня с нежностью самой вечности, своим невесомо хрупким, как кристалл снежинки, глазом. И в этот самый момент я с беспощадной отчётливостью для себя понял всю бессмысленность, всю напрасность предстоящего боя, ещё одних смертей во имя каких-то целей, которые только что каким-то необъяснимым образом уже перестали меня интересовать, освобождая навсегда от чего-то...

Бессмертная, вечная красота мира, только что вошедшая в меня своим древним клинком окружающего совершенства, тут же бесповоротно и навсегда убили во мне всё плотское, всё человеческое... И ожесточенные люди, которые в это время окружали, обступали меня со всех сторон, вдруг показались мне теперь кем-то обманутыми детьми, которых кто-то бездушный и злой бросил против меня, чтобы я ещё больше обрел страшной вины перед кем-то недосягаемым и Великим, перед невидимым пока для меня и пока ещё непознанным мною. И в последние мгновения перед схваткой, я уже понял, что никого больше не смогу убить, умертвить своим мечем. Таким ненужным мне, таким бесполезным уже. Слишком кошунственным уже и невозможным было теперь причинять кому-то зло, тем более кого-то убивать в присутствии такой совершенной хрупкости и нежности этой бабочки-стрекозы. Самураи, мои будущие убийцы, уже застыли вокруг меня, готовясь к последнему рывку, но мне было уже все равно.

Их блестящие латы, сверкающие в лучах утреннего солнца, были сейчас похожи на мантии самой жизни, в которые она их одела, чтобы я больше не смог ей причинить вреда, а значим всем им. Только покровы самой святости теперь были вокруг меня, которые я уже не мог, не должен был разрушить ни по каким причинам. Последним движением меча я бережно направил невесомое волшебное создание на встречу солнцу, в его восходящие лучи, которые были для меня такими недосягаемыми. После чего, почти с наслаждением и радостью, дал себя убить, дал себя разрубить на множество кусков, с восхищением глядя в последние мгновения своей жизни, как брызги моей крови догоняют хрупкие крылья улетающей бабочки-стрекозы, стремительно окрашивая их, словно для вечности именно этого дня в ярко красный цвет...

03.02.2021

(время не установлено)

Сколько времени после этого прошло? Разве это было уже важно? Я был уже бессмертным. Без смерти...

Благодаря покою проходящих дней, через некоторое время я собрал всё свои куски, которые остались от моего тела и склеил их вокруг себя, недавно обретенной силой. Глубокие шрамы на мне скоро заросли и со временем стёрлись до прежней гладкости кожи. Только треугольный шрам на голове, выше правого виска остался сверкать полированными тонкими рубцами и застывшие навсегда капли крови на щеках остались мне на память о том событии в моей жизни. Теперь они были вечными метками для моих демонов мщения, которые проснулись за моей спиной в тот самый момент, в то самое время, когда я умирал на том поле, и как только я вошёл в смерть они тут же закричали, оплакивая меня своими безголосыми страшными головами, в зловещей немоте своих тайных убежищ, в которых они прятались от меня всё это время, требуя, вызывая о мщении каждый раз ожидая от меня в невыразимом бешенстве оплаты за всё содеянное. После чего, неслышно и незаметно, они двинулись за мной своими громоздкими ужасными телами. И везде, где бы я ни оказывался, они рано или поздно настигали меня в своих гнетущих пустотах, в своих призрачных тоннелях, и настойчиво продолжали требовать или просто просить о кровопролитии и мести любой ценой за мою и свою смерть. И время от времени я оборачивался на их зов, и шёл им на встречу. Но куски неба, которые как будто специально были вставлены кем-то в мои глазные впади вместо старых глаз после той гибели, меня останавливали на этом пути и возвращали. И застыв у бесчисленных зеркал тех городов, где я потом оказывался волею судеб, отражения их, этих теперешних моих глаз, заставляли меня каждый раз вспоминать в своей вновь обретенной ярости к какой части вечности я теперь принадлежу...

04.02.2021

23:04 (время почти правильное)

Хотел продолжить этот дневник, но слова во мне вдруг умерли, как будто их заранее для меня убила, задушила мстительная повседневность, чтобы я больше не продолжал, не писал о ней. Она почему-то была против. Попробую продолжить завтра. Может быть, завтра она обо мне забудет и больше не будет убивать эти слова ради меня, чтобы они больше не раскрывали своих секретов, а значит её секретов. Завтра! Вся надежда на пока ещё не наступившее, не существующее завтра. А может быть уже наступившее когда-то, уже существующее где-то? Существующее ли...

05.02.2021

04:23 (время точное)

В моей пустоте опять появилось какое-то дыхание, какое-то движение, слова во мне снова обрели жизнь. Итак, что же было дальше со мной? А дальше я снова начал жить, почти как обычный человек. С монотонной протяженностью каждого дня, чья ежедневная мука простого бытия наводила каждый раз на мысль, что обычная человеческая жизнь требует не меньшего мужества и силы, чем жизнь на войне, а может даже и большего. Это постоянная утомительная неизменность в ней, нескончаемая повторяемость друг за другом дня и ночи, могли свести с ума любого, кто так и не смог примириться со своим уделом – просто жить.

Меня спасла от злого бессилия этого осознания только загадочная миссия, которая на меня была возложена после моей гибели в том поле, возложена кем-то или возможно мною самим, которая каждый раз помогала мне примеряться с мучительной бесконечностью, нескончаемостью своей жизни среди обычных людей, некоторых из которых я начал спасать от гибельных для них одиночеств, когда они этого хотели, желали и даже тогда, когда они об этом

не знали. И помогая, спасая этих людей, и тех кого они любили тогда, кто был рядом с ними в это время, мне приходилось нарушать свои обещания, свои давние клятвы и в печали входить в кровавые реки мщения, но входя в них я всегда помнил, что меня изменило когда-то навсегда, в той далекой для меня уже стране, и старался всегда возвращаться из их ужасных, страшных вод не тем прежним, каким я был когда-то там, а теперешним, новым. И без крайней необходимости я больше не входил в большие скопления людей, чтобы не встречаться там с теми, кого останавливает только смерть. В ночные сумерки теперь я тоже надолго не вхожу, всё по тем же причинам. Я больше не хочу увидеть себя однажды тем беспощадным самураем, непобедимым холонокровным убийцей, кем был прежде непревзойденным мастером причинять смерть, но даже если и становится им когда-нибудь, то не навсегда и только ради того, что пусть и не оправдает меня потом, то хотя бы когда-нибудь простит.

06.02.2021

07:04 (время точное)

Слова в который раз потеряли для меня свою жизнеспособность, снова умерли для меня, и если бы они имели тела их можно было бы закапывать в землю. Полная невозможность писать. В когда-то отсеченную голову вернулась боль, та которая была в момент её отделения от тела и сейчас она, эта боль, возникла чуть ниже подбородка, точно в том месте куда я вернул эту голову когда-то телу. А может эта боль чье-то предупреждение? Не знаю...Посмотрим.

Этот же день.

(Время неизвестно)

Внутри все ожило и что-то позволило писать. Или кто-то. Уже неважно.

Момент вхождения в историю уже наступает и вот мгновение инициации в неё...

Итак, я пока в настоящем. Вечер. Стою на кухне и что-то разогреваю на плите, взятое в местной кулинарии. Чувствую себя при этом, впрочем как и всегда, вовремя этого занятия, каким-то старым механизмом, подержанной машиной, в которую час от часу надо заливать что-то техническое: масло или жидкость для двигателя, иначе дальше не сдвинется с места и запахи от этой еды, которые сейчас распространяются вокруг меня только усиливают это впечатление. Явно в той кулинарии стараются не для живых...

Но почему я вспомнил об этом? Почему такое вступление в эту историю? А потому что точно такие же запахи были в той квартире, в которую я попал в конце семидесятых в Москве. Это была большая квартира в сталинском доме на проспекте Вернадского, на третьем или четвертом этаже, точно уже не помню. Эти запахи технической химии, ничего общего не имеющие с запахами нормальной еды, словно голодную собаку, привели мою память к дверям этой квартиры. Она была почти ничем непримечательна, кроме, пожалуй, своего хозяина. Нестарого ещё мужчины, аккуратного, атлетического сложения, которая выдавала в нем бывшего сотрудника спецслужб. Но не это обращало на себя внимание. Глаза. Его глаза притягивали к себе какой-то странной особенностью, необычностью, тёмно-карие, почти чёрные, они совсем не подходили к его славянской внешности. Они были чужими на его лице, совсем чужими... Но не это ещё было странным и удивительным в них, они, эти глаза – жили на его лице, казалось, совсем отдельной от него, от этого лица, жизнью, да и не только от этого лица, но от него самого тоже. Они были для этого мужчины явно неродными, словно кто-то взял их и вставил ему случайно вместо своих, а потом забыл вернуть обратно, а может и не забыл...

Впервые минуты знакомства с ним я не знал как на эту особенность его глаз реагировать, но меня отвлёк, спас разговор с ним о том деле, с которым я пришёл к нему в тот день, а пришёл я к нему, чтобы купить пару старинных индийских монет для одного коллекционера. Иван

Алексеевич, так звали моего нового знакомого, много лет проработал в этой стране, и за долгие годы пребывания там собрал неплохую коллекцию местных монет. И всё было бы хорошо при этом разговоре, если бы он не смотрел на меня, а точнее сквозь меня своими явно инородными глазами. Эта необычность ещё больше усиливалась, когда он ко мне приближался и пытался взглянуть в меня, как будто я стоял не рядом с ним, а где-то не здесь, в отдалении от него.

Присмотревшись к его глазам, пристально, внимательно изучающим меня, ощущения в их чужеродности только усилились, они явно были для него чужими, точно не его, но как это было возможно в этом реальном мире? Это оставалось для меня загадкой. Находясь в его глазах, они выполняли все необходимые для него функции и при этом, необъяснимым образом, принадлежали не ему. Они словно жили в нём параллельной жизнью. Были не его и одновременно как бы его.

После того, как я купил у него эти монеты, он пригласил меня на кухню выпить чаю, и то, как он меня об этом попросил, было видно, что он давно нуждается в живом общении и ему хочется при любой возможности подольше с кем-то поговорить и я согласился и мы пошли на кухню. Не прошло и часа, как я уже знал всю его историю, так его мучающую все эти годы. Дело было в том, что когда-то, ещё в шестидесятые годы, когда она служил в нашем посольстве в Индии, по своей линии, к ним прибыла делегация высокопоставленных советских чиновников, решался вопрос о каких-то крупных военных поставках, и его, как начальника службы безопасности посольства, строго предупредили, чтобы не было никаких эксцессов. В делегации находились родственники членов политбюро, а так как была информация о готовящемся теракте на одного из индийских лидеров, встречей с которым предполагалось завершить последний день визита делегации, то ему и его службе дали секретную инструкцию, в которой говорилось, что при любом подозрении на теракт – стрелять на поражение. И вот наступил последний день визита. Принимающая сторона уже ждала их делегацию, а встреча должна была происходить рядом с оживленной городской улицей. Картеж посольских машин уже подъехал к назначенному месту встречи и люди из делегации начали выходить из машин, как тут из толпы зевак, которые почти сразу собрались рядом с этим местом, чтобы поглазеть на начало для себя какого-то нового события, отделился мальчик лет десяти-двенадцати, не по сезону тепло одетый, он стремительно побежал к ним, к людям из делегации, которые только что выходили из машин. Он бежал к ним, но в его беге не было ничего детского, ничего безмятежного, в нём, в этом беге, наоборот присутствовало что-то пугающее, непонятное, угрожающее...

По крайней мере, моему рассказчику так показалось в первые секунды его приближения к ним. По непонятной, по необъяснимой для себя причине, с застарелой болью в голосе он признался, что его обьяло в те мгновения, такое невольное беспокойство, такой почти мистический страх, если не ужас, что не успел даже понять, что произошло, как начал стрелять в этого мальчика, который почти добежал до них со своей страшной, пугающей улыбкой на лице и даже быстрая смерть не смогла её стереть с его детского, такого наивного вблизи лица, загорелого почти до черноты.

Он не верил своим глазам, не верил самому себе, что только что убил ребёнка, практически ни за что – за его бег к ним. Лихорадочно, в панике он начал быстро ощупывать его одежду, в тайной надежде, что найдёт под нею если не пояс шахида, то хотя бы что-то, что если и не оправдает его, то хотя бы как-то объяснит его ужасный поступок, но под жалкими лохмотьями его ничего не было.

Трагический инцидент быстро замяли с обеих сторон, на кону был крупный контракт на поставку оружия и скандал никому не был нужен. Начали проходить месяцы и годы, а он так и не смог забыть этого ребёнка, убитого им тогда. Глаза этого мальчика, которые застыли перед ним навсегда, теперь пристально и с удивлением смотрели на него в любое время суток, смотрели своей застывшей ночью для него, того всеми забытого дня. Проходили дни и ночи, а эти глаза по-прежнему от него никуда не исчезали, со временем они начали жить отдельной жиз-

нию рядом с ним, стали следить за ним из любого угла его квартиры. Тогда, после смерти мальчика, он узнал после проведенного расследования, что он был одержим и страдал от какого-то психического недуга, скорее всего от какой-то душевной болезни.

Слушая этот грустный, такой печальный рассказ, я не решался признаться Ивану Алексеевичу, что глаза этого забытого всеми ребёнка уже давно живут в нём, необъяснимым, совершенно непостижимым образом заменившие, а точнее подменившие его собственные. Вероятнее всего в качестве компенсации за давнюю вину перед ним.

Простившись вскоре, я договорился с ним перед уходом, что зайду к нему через неделю. Спустившись вниз и проходя через двор этого дома, я случайно услышал обрывок разговора двух женщин, стоящих у одного из подъездов, рядом с ними стоял темноволосый мальчик лет десяти-двенадцати, он был в темных очках. Одна из женщин жаловалась другой, что не знает, что делать с сыном, ребенок почти уже не видит на оба глаза.

Покинув двор, я сразу же забыл этот разговор, пока через неделю в назначенное время не пришёл к своему новому знакомому снова, как договаривались. Поднявшись на нужный этаж, и приблизившись я вдруг заметил, что двери его квартиры приоткрыты, как будто он уже ждал меня и звал войти без приглашения. Пройдя полутемный коридор, я прошёл все комнаты, но его нигде не было. Я позвал его и огляделся, и тут почувствовал какой-то странный запах, каких-то лекарств – чуть приторно-едкий, как у всех анестетиков, он шёл из кухни. Появившись перед ней, я замер на пороге. Идти дальше не было смысла, хозяин квартиры сидел за обеденным столом с окровавленным лицом, зияющие своей пустотой его глазные впадины смотрели на меня обрывками разноцветных сосудов. На скользком от крови столе, покоились его глаза. Нет, пожалуй, уже него. Они лежали прямо перед ним словно он видел их, когда преодолевая дикую боль, аккуратно расставлял их перед собой. Рядом с его окровавленными руками валялись разбитые ампулы с обезболивающим, два использованных шприца и офицерский кортик, также весь в крови, с помощью которого он и освободил себя от так надоевших ему чужих глаз. Боже, как он, наверное, устал от них, если решился на столько радикальное решение этой проблемы.

Тихо выйдя из квартиры, я не слышно закрыл за собой дверь, и вышел на улицу. При выходе из двора, я снова столкнулся с теми двумя женщинами и мальчиком в тёмных очках, о чем-то радостно говоря между собой, только последнюю фразу из их разговора я услышал до конца. Одна из женщин говорила подруге, что завтра её сыну должны сделать срочную операцию на глаза, чтобы их спасти и прогнозы врачей обнадеживающие.

Поворачивая уже за угол, покидая этот двор навсегда, я вдруг обернулся и посмотрел на этого мальчика – он стоял рядом с матерью и вглядывался в меня, застенчиво улыбаясь. И глядя на него, мне на секунду показалось, что он своей улыбкой передает мне безмолвный молчаливый привет от кого-то, кого я давно забыл. На самом деле я всё помнил...он тогда растеряно смотрел на мальчика, который бежал к ним, в его глаза был выбор, но этого я не видел, я видел только его руку, которая касалась теплой стали его пистолета, но я улыбался, я уже знал, что он его не достанет. Через секунду я уже исчез из толпы тех людей, которые тогда стояли напротив него – выбор был сделан.

...улыбнувшись мальчику ещё раз я быстро вышел из двора. И тут же ощутил, почувствовал этот странный неприятный запах, давний едва уловимый, так пахнет кровь и моча после мёртвый, я знаю...

Слабо, едва уловимо этот запах тянулся своим солоноватым напоминанием, как нить Ариадны, из давно забытого прошлого, из той давно прошедшей войны, из того отчего-то так мне сейчас нужного места, которое было тогда не самым счастливым местом для исполнения самых сокровенных желаний...

08.02.2021

10:23 (время точное)

...это была Польша. 1944 год. Небольшой тихий городок. Час назад его оставили немцы.

Я стою в кабинете начальника местного отделения гестапо и смотрю в зеркало, точнее на то место, где оно ещё было вчера. Спокойно рассматриваю свое лицо, лицо давно убитого человека, без возраста, скорее молодого, чем старого, и если не размыкать губ и не обнажать в улыбке свои истёртые, почерневшие от времени зубы того самурая, давно погребенного во мне за этим лицом, за этой кожей, то в целом, весь мой облик не отталкивающий, не пугающий...

Остановившись тогда у того зеркала, которого уже не было, на самом деле я рассматривал не себя, в его исчезнувшем навсегда отражении, а тех, кто ещё совсем недавно были в нём, были ещё живы там. В то утро, в тот день. Первое в том отражении появилась невероятной красоты еврейская девушка, которая совсем не была похожа на еврейку, она была блондинка скандинавского типа с идеальными чертами лица и с такими большими синими глазами, от которых нельзя было оторваться, а если и можно было, то только через силу, если бы... если бы в них была теплота и нежность неба, а не тот холод бездны, чьи едва выносимые глубины отражались перед нею изо дня в день в этом кабинете. С отвращением и ужасом, она каждый день заглядывала в них, а эта бездна в свою очередь, заглядывала в неё такими же невозможно синими, черно-синими глазами начальника местного гестапо, который, если бы не его страшный мундир, которого она боялась отдельно от него, мог бы сойти по своей внешней идеальности и чистоте на ангела с небес, хотя, впрочем, он и был этим ангелом, но ангелом с тёмных небес, чья запредельная жестокость почти овеществлено проглядывала, как отдельное от него существо, из подо льда его идеально матовой кожи убежденного нациста. Почему еврейка? – подумал я от чего-то, и снова посмотрел на отражение недавно уехавшего гестаповца. Занятый сборами, он только кивнул на свой огромный письменный стол у окна, словно слышал меня и не обманул, в одном из ящиков этого слова я нашёл все её документы. Листая их, я опять посмотрел на то место, где висело зеркало. Теперь в его несуществующем отражении снова появилась она – эта девушка. Она что-то хотела мне сказать, но не смогла, её красивое лицо было обезображено неподдельным страданием и болью, она показывала мне на дверь за своей спиной, но я туда не пошёл, я уже знал – она мертва. Мертва уже часов десять и висит в мужской уборной на этом этаже, хотя нет, она уже там не висела. Генрих, так звали начальника гестапо, успел её снять перед своим уходом и отъездом из города. Оказавшись в коридоре, я дал себе увидеть, как он бережно и осторожно, снимает её из петли, как драгоценную, дорогую для себя куклу, которая может разбиться в любой момент от любого неосторожного движения.

Но перед этим он долго стоял перед ней и с ожесточенным, отрешенным лицом, медленно слизывал с её таких по-прежнему обольстительных длинных ног уже застывающие ручейки ещё теплой мочи, которые она невольно подарило ему в момент своей смерти, совсем не желая этого. Сдерживая себя, он с нежностью прикасался к её последней влаге, и слизывал её с кончиков своих чуть подрагивающих пальцев, с обреченным вожделием пытаясь запомнить, вобрать в себя без остатка, всё то, что ещё составляло её, из чего она была, хорошо понимая, что это то последние, что ему теперь оставалось от неё, то, что ему оставалось от неё навсегда. Любил ли он её? Есть ли так можно назвать то чувство, которое ему не позволяло ни разу за почти два года оккупации, вовремя которой он был здесь начальником гестапо, обладать ею, то да, любил, но за эту любовь он ей мстил регулярно и постоянно, с животной яростью насилая при ней арестованных полек в своем кабинете, заставляя при этом смотреть на него, а он в эти минуты смотрел нет, не на них, на неё с лицом злого, обиженного подростка, у которого что-то когда-то отняли и так и не отдали. Иногда после этого, он придушивал своих несчастных жертв, но не до смерти, её же шарфом, который он когда-то отнял у неё в первый же день её ареста и который он повязывал несчастным женщинам, каждый раз, когда совершал над ними насилие. И вот это извращенное насквозь чувство к ней, с первых же дней знакомства,

заставляло его держать несчастную девушку постоянно у себя под рукой, со временем оформив её, как свою секретаршу, по поддельным документам. Ночью он заставлял её спать с ним, но только спать, потому что по абсолютно необъяснимой для себя причине он не мог с нею ничего делать, потому что она была для него каждую ночь совершенно недоступна физически. Она постоянно была для него запретным плодом, который был рядом, но сорвать, вкусить его он не мог ни разу, и объяснить себе этого он не мог, как ни старался, что-то с ним происходило в этот момент, и он ничего не мог с этим поделать. Он, здоровый, крепкий мужчина, как только прикасался к ней, сразу же превращался в обессиленного, уставшего от своего зла, ребёнка, которому было достаточно прижаться к ней крепко и просто заснуть, ничего больше не желая от неё, а потом утром проснуться рядом с нею и пожалеть обо всем, что не было перед этим. Временами он так её хотел, что буквально сходил с ума, но как только оказывался ночью рядом с ней, что-то глубоко спрятанное в нём, что-то необъяснимо священное для него, не позволяло ему насиловать её по своему желанию, тут же загадочным образом вновь обессиливая его, как ребёнка.

И вот теперь он прощался с нею, пытаясь забрать или хотя бы запомнить, то последнее, что ещё оставалось у неё сокровенного от него и к которому она в своем мертвом бессилии уже не могла ему помешать прикасаться, прикасаться ещё, и ещё раз, и наконец прикоснуться в последний раз... От осознания этого он завыл, как смертельно раненный зверь, но это всё, что оставалось ему теперь. Оставалось до конца, пока он будет жить, и он это хорошо понимал.

Накрыв её лицо, совсем не изуродованное смертью, как нарочно, как будто специально в отместку ему, чтобы навсегда её запомнил такой, какой она всегда для него была, своим черным кителем, который был ему уже не нужен, он ушёл от неё не оглядываясь, с одной только мыслью: «Будь проклята эта страна, которая сделала его таким несчастным». Стерев перед собой последнюю картину их прошлого, я вернулся в его кабинет и забрал шарфик этой девушки, который Генрих забыл в спешке своего отъезда из города. После этого я покинул брошенное всеми здание. Тем временем передовые части красной армии уже входили на окраины улиц этого города.

Спустя десять лет я нашёл его в Аргентите, в Буэнос-Айресе. Он работал там в местном отделении контрразведки и был гражданином этой страны.

Все эти годы шарфик этой несчастной девушки был со мной, из года в год он сохранял в себе каким-то чудом очень слабый, но ещё уловимый аромат её любимых духов, ещё тех, которые были у неё до войны, до прихода немцев. И каждый раз, приближая его к своему лицу, я словно слышал её тихую просьбу, её слабый голос, который едва различимо просил меня найти его и что-то сделать с ним ради неё, и это её желание, её такую сокровенную просьбу я не мог не выполнить.

И вот спустя годы, в Аргентине, на воскресном митинге, на одной из столичных улиц я встретил его в оцеплении президентской охраны. Он совсем не изменился с тех пор, почти не изменился. Его идеальный арийский облик по-своему притягательный и неотразимый своим привычным внутренним ожесточением, необъяснимо манил своей бесчеловечной суровостью и тут же выделял его из любой толпы. И только короткий ёжик его волос когда-то светло-русых теперь был немного поседевшим, как будто их кто-то слегка посыпал не до конца сожжённым пеплом.

Проследив за его взглядом, я увидел, что он пристально смотрит на Эвиту Перон, которая стояла с кем-то на трибуне и что-то ему торопливо говорила. То, как он смотрел на неё, как следил за нею своими холодными, бесчеловечными глазами, я всё понял... Он ведь всегда любил недостижимых для себя блондинок.

И опять начали проходить месяцы и годы, но я уже не отпускал его от себя, следуя за ним невидимой, незаметной тенью, внимательно изучая его жизнь, которую он вёл здесь, терпеливо ожидая момента, когда появится возможность вернуть ему прошлое. И вот однажды

это время пришло – там, в ночной мгле известного столичного кладбища, куда он регулярно начал ездить совсем недавно, в фамильный склеп Перонов, чтобы развлекаться, назовем это так, с уже умершей к тому времени Эвитой. Как это не звучало ужасно, но со своими сослуживцами это место с некоторых пор, он превратил в некое подобие ночного клуба, где избранных ничего кроме пьяных оргий и кошунств не ждало там. Он жил тогда на улице, неподалеку от этого кладбища, на улице, по которой каждое утро проезжал маленький грузовик, развозящий строительную арматуру. Проходя время от времени, неподалеку от этого места, я заметил, что Генрих всегда подходит на одно и то же расстояние к дороге, к её краю. Вот она – благословенная немецкая тяга к постоянству, к пунктуальности, беззаветная преданность к точности, к правилу, к любому распорядку, который установлен раз и навсегда, даже в такой казалось мелочи, как останавливаться ровно там от края дороги, что и вчера, и позавчера... Проверив несколько раз это расстояние, которое, как я предполагал, всегда оставалось неизменным, к краю дороги, я однажды холодным осенним утром, подошёл к грузовику, который вскоре должен был проехать как всегда мимо него по этой дороге. Быстро и незаметно, пока рядом с машиной никого не было, я выдернул один из стальных арматурных стержней и чуть согнул его острый конец в сторону края дороги, согнул ровно настолько, чтобы он мог достать немца, затем достал из кармана шарфик, вряд ли им забытой девушки, и завязал его на конце согнутой арматуры. После чего ушёл. Пройдя несколько сот метров, я подошёл к дверям его подъезда и слегка забил их внутрь, с таким расчетом времени, чтобы его всего лишь на пару секунд задержать, когда он будет их открывать. И всё это было сделано для того, чтобы немец подошёл к краю дороги именно тогда, когда грузовик будет проезжать мимо него, именно в этом месте. Закончив наконец свои приготовления, я стал терпеливо ждать близкой развязки. В точно рассчитанное время он вышел из дома, и чуть задержавшись у дверей подъезда, подошёл к краю дороги, точно в тот момент, когда грузовик с арматурой уже подъезжал к нему.

Подойдя к противоположной стороне дороги, я остановился и посмотрел на него. Как только Генрих застыл рядом с дорогой, он тут же отшатнулся от неё, когда мимо него проехал грузовик, моментально разорвавший ему горло, торчащей арматурой...

Молодая женщина, оказавшаяся совершенно случайно рядом с ним в эту минуту, в ужасе закричала, увидев, что с ним произошло. Услышав её крик, водитель грузовика резко затормозил и растерянно выскочил из машины, не зная, что делать. Только я знал, что надо делать. Подойдя к грузовику с противоположной стороны, я быстро отвязал шарф от арматуры, и незаметно вправил её на место в грузовик. Потом подошёл к стоящему на коленях немцу. Он уже умирал. Я склонился над ним и бережно вытер шарфиком его окровавленный рот и потом медленно поднял к его глазам мокрый от крови, дождавшись, чтобы он вспомнил его перед смертью. Когда по его угасающим глазам я это понял, осторожно, чтобы не причинять ему лишней боли, вложил этот шарфик ему в руку.

Это не было мщением, это было неким равновесием, установлением вечной справедливости, равенство во всём. По крайней мере, мне в это хотелось верить. Последнее, что я увидел в его глазах, было похоже, как ни странно, на благодарность, но ту благодарность, что касалась его освобождения от самого себя, от того каким он был, и от того каким он будет, может быть, совсем скоро. Отвернувшись, я в последний раз коснулся его плеча, прощаясь, и быстро ушёл от него. Всё, что мог, я для них обоих сделал...

Вечером того же дня, я сидел в одном из местных кинотеатров, в ожидании последнего киносеанса, перед его началом показывали немецкую кинохронику времен войны. В одном из его эпизодов мелькнуло знакомое здание гестапо, в забытом мною польском городке. Из него выходила красивая девушка, которая сейчас мне кого-то напоминала. Я обернулся в темноту кинозала и увидел её, она сидела позади меня и улыбалась, она была похожа на ту женщину, которая в это утро была рядом с Генрихом перед его гибелью. Я отвернулся и посмотрел на

экран, на нём опять мелькнуло то здание, из которого только что вышла эта девушка, в одном из его окон мне показалось, мелькнуло знакомое лицо...

...Генрих отвернулся от окна и посмотрел на стол: на нём лежал её шарфик. Он оставил его себе на память и это всё, что от неё ему оставалось. Он так и не смог её убить перед отъездом из этого города. Наверное, слишком её любил для этого. Был ли он хорошим парнем? Конечно, нет. Он был мерзавцем и подонком, и хорошо об этом знал, но при этом некий кусочек белого в бездне его души ещё освещался Бог знает чем...

11.02.2021

18:04 (время почти точное)

...сквозь боль в давно исчезнувших ранах, я снова вижу какую-то даль, какой-то день. Его утро. Ранее мореннее утро. Кажется, это было в Канаде в середины восьмидесятых. Через чуть приоткрытые обледенелые ресницы, я вижу перед собой заснеженные деревья, которые почти вплотную подходят к веранде большого заброшенного дома, где я уже давно кого-то жду, весь занесенный снегом. С трудом, с усилием поднявшись с колен, я начинаю срывать с себя ледяную корку, смешанную со снегом, в которой была вся моя одежда. Долгое время она была моей спасительной шкурой, которая сохраняла во мне тепло и жизнь, пока я долго спал в своем ожидании...

Тишина морозного утра наполнилась звенящим треском, как будто не лёд со снегом, а битое стекло падало сейчас вокруг меня. Освободившись наконец от него, я огляделся. Зачем я здесь? С какой целью? Мальчик...какой-то мальчик был мне нужен. Чей голос или только воспоминание о нём пришли ко мне из ниоткуда и чего-то требовали, что просили...

Тогда в том моём воспоминании о нём, он стоял у подножия горного склона рядом с дорогой и долго смотрел на меня. Внимательно. Пристально. Изучающе. Но проблема была в том, что там на той дороге меня тогда не было. Нет, я, конечно, там был, но на десять лет позже этого события. Я слишком поздно пришёл на то место, ведомый как всегда своей таинственной целью, но не угадал тогда нужное мне время, нужное событие. Поэтому чтобы не возвращаться обратно к себе в настоящее, а это было, к слову сказать, не всегда просто по разным причинам, я решил найти себе временное убежище для ожидания прошлого здесь, которое для кого-то станет будущим в скором времени. После чего я вошёл в некое подобие транса, которое практиковали в своё время самураи, когда им было необходимо переждать мучительно долгую засаду, устроенную на кого-то.

Время от времени в своём ожидании прошлого я выходил из своего транса, из этого состояния ожидания, и внимательно оглядывал пространство вокруг себя в поиске чего-то угрожающего, тёмного, предостерегающего меня. Не находя ничего похожего вокруг себя, я снова погружал себя в транс своего возвращения в прошлое, туда, где ждал меня этот мальчик. И вот однажды, очнувшись подобным образом в который раз, я увидел неподалеку от себя полицейскую машину. Быстро, почти бесшумно приблизившись к ней, я услышал, как там говорят о ком-то, кто подозревается в массовом убийстве, совершенном неподалеку в селении, но вот беда, нет примет этого преступника, хотя бы одной, которая могла бы его быстро идентифицировать. Одно только известно, подозреваемый – несовершеннолетний. Когда в машине закончился этот разговор, я вдруг понял, что жду этого ребёнка, этого мальчика напрасно. Что-то тут было не так. Как-будто кто-то его прячет от меня. И что-то важное я опускаю в этой истории с ним... Неужели я ошибся с течением времени, с его нескончаемыми потоками?

Вернувшись на веранду дома, на свой наблюдательный пост, я решил во что бы то ни стало ускорить своё возвращение в прошлое, опустившись на колени и сконцентрировавшись, я позволил времени унести, забрать меня с собой. Именно туда, в тот временной промежуток, где на самом деле мог быть сейчас этот мальчик, где я видел его в последний раз. Через

несколько секунд замедления, пространство вокруг меня дернулось и заколебалось, и начало своё движение вспять, в то направление, в которое мне было нужно. При этом я начал испытывать, как всегда, в таких случаях встречное сопротивление наплывающих друг на друга уже произошедших событий. Их давление было похоже на то, которое испытывают летчики вовремя полёта на сверхзвуковых истребителях. Кожа моего лица, все моё тело начало деформироваться, как при сверхзвуковых перегрузках. Давление окружающего воздуха было таково, что на какое-то время я изменился почти до неузнаваемости. Когда движения потока времени-пространства наконец остановилось вокруг меня и во мне, я снова увидел себя на всё той же веранде, обледелым, и в который раз занесенный снегом... Освободившись от него, и согрев замершее тело, я вдруг почувствовал, что снова какая-то деталь, какая-то особенность ускользает от меня и теряется, что-то не стыкуется, не совпадает рядом со мной. Не совпадает совсем не на много, но оно может помешать мне сделать то, что очень будет важным в будущем, что будет мною не совершено...

Больше ни думая ни секунды, я сорвался с места и побежал, я бежал напрягая все свои силы, по заснеженной дороге, к тому месту, где впервые увидел этого мальчика, но его там уже не было. Его следы вели в сторону леса, к горе, к её склону. Собрав последние силы, я бросился туда. Утопая в снегу, я догнал его почти на вершине горы, но там он сёл на санки и тут же исчез из виду. Я рванулся следом...

...Он висел на краю обрыва, его санки давно упали вниз и разбились о камни где-то далёко внизу, а он каким-то чудом задержался над пропастью и теперь судорожно, устало хватался за острые камни перед собой, пытаюсь изо всех сил, удержаться, не сорваться вниз. Как можно быстрее и осторожнее я начал подползать к нему, чтобы успеть спасти, вытащить из гибельной ловушки. Мальчик испуганно, с надеждой следил за каждым моим движением, но сил у него уже не оставалось на сопротивление смерти. Я это уже видел, но, когда до него оставалось десять-пятнадцать сантиметров, его уставшие, обессиленные руки, соскользнули с последних камней, за которые он цеплялся всё это время, и он уже почти полетел вниз, на неуловимый миг застыл в воздухе над бездной и в этот миг я успел схватить его одной рукой. Но в своём отчаянном рывке за ним я нечаянно разбил ему почти до кости левую щеку, но ценой этого ранения я сумел спасти ему жизнь. Через некоторое время мне удалось его подтянуть к себе и затем втащить наверх. Его движение, его путь в неминуемую смерть наконец-то закончился, прекратился. Вытерев его лицо от крови, на котором, по всей вероятности, останется неглубокий шрам, я перевязал его и повёл домой, успокаивая как мог.

Отдав его родителям, я попрощался с ним, но перед самым расставанием склонился к его перевязанной голове и тихо попросил, чтобы никто не слышал... — не делай этого... Иначе в следующий раз я не успею...

13.02.2021

5:22 (время точное)

Как они меня находят...эти люди... эти истории...Это всегда внезапно, всегда неожиданно. Всякий раз где-то там в их тишине возникает некое звучание, некий звук, который постепенно переходит в еле слышимый голос. В начале еле различимый в своём запредельном далеке, он постепенно приближается, словно идёт мне на встречу, и в какой-то момент его пустота начинается утончаться, как кем-то растягиваемая полиэтиленовая плёнка, которая вскоре рвётся, разрывается перед моими зрачками и я, наконец, вижу, что за ней. Происходит...

Это бы Киев. После прихода в него красных...

Вечный, таинственный, всегда завораживающий своей мистикой, такой привычной, и такой необъяснимой, если ты в нём остаешься навсегда. Одно в нём было плохо — на его улицах, в его домах, всегда жило много падших созданий, которые так были похожи на ангелов. И они

так всегда прекрасны, безупречны в своей чистоте, в своей почти идеальной святости, что в какой-то момент она начинает Вас пугать и заставлять им не верить. Не верить в их больничную белизну, которая, когда становится слишком поздно, чтобы уйти от неё, оставляют вам только один выбор – падение, как единственный выход, ожесточенно убеждая при этом, что на самом деле это вознесение...

Вы спросите, почему так происходит? Почему эти создания так жестоки с Вами? Да потому что падшие ангелы никому не прощают близости к небу. Ни людям, ни городам! А Киев в этом плане всегда был особенным и останется таким навсегда. Он всегда будет с небом и всегда с ним останутся те, которые будут мстить ему за это всегда...

Это была поздняя осень или ранняя зима, уже не помню. Но воздух вокруг был красно-жёлтый от давно опавших листьев и был слишком холодным уже, слишком промозглым. Я стоял на Владимирской горке и ждал назначенного часа. Вот он почти неслышно пробил где-то над моей головой, и я иду к Андреевской церкви. Неподалеку от неё жила семья, чья фамилия была чем-то похожа на фамилию автора бессмертных «Мёртвых душ», хотя мёртвыми душами они, конечно, и были, но его родственниками нет. Но в своём специфическом деле, как и он, были незаурядны и почти гениальны.

Оба члена этой семьи и жена, и муж работали в местном ЧК и были легендами в его ужасных стенах. Нет, они никого не убивали, не пытали и, конечно же, не были палачами в прямом смысле этого слова. Для этого они были слишком изворотливы и умны. Они были просто организаторами и вдохновителями всего этого. Они были непревзойденными мастерами самого процесса, самого режима, чьи простые бесконечные злодеяния имели всегда одно оправдание – во имя защиты революции! Во имя светлого будущего! Проблема была только в одном, во имя какого будущего? Но наших героев это давно не волновало. Главное они спокойно после этих слов спали, потому что эти слова, как огромные, гигантские промокашки, впитывали в себя любое количество крови творимого ради этого. Разбросанные на бесчисленных лозунгах и транспарантах, они давно таким образом успокаивали многих, на чьих руках была та же самая кровь, пролитая ради той же цели., которая с самого начала не имела ничего общего со светлым и чистым. Но нашим героям, повторяю, было все равно, они ведь защищали все самое светлое, ну и что, что на самом деле этого никогда не было, но слова ведь об этом были и главное было в это поверить. В эти слова. И они, конечно, в них верили, притворялись всегда, что верят, ведь надо было как-то жить в это время. Просто жить и они жили. Просто жили...

Когда я вошёл, почти никем не замеченный, кроме хозяев, в их огромную квартиру на Андреевском спуске, праздник в ней был в полном разгаре. Отмечали первую или вторую годовщину чего-то...

Людей с характерной внешностью, которая без труда сама по себе говорила, что они уже давно перешли всё запретное для нормальных людей, все линии жизни, да и смерти тоже было в ней подавляющее большинство. Гостеприимные хозяева, в образах настоящих украинских интеллигентов, таких себе учителей из местячковых школ, были одеты, как, впрочем, и всегда в такие дни, в чуть выгоравшее на солнце вышиванки и радушно встречали каждого, кто заходил, заглядывая к ним на огонёк. Начинали говорить с ним на чисто украинском, как будто что-то проверяли в только что вошедшем, затем как-то незаметно переходили на чисто русский, который продолжал у них звучать как-то странно по-украински. Потом, спустя какое-то время, они начинали хором чудную, завораживающую по своему звучанию украинскую песню, которая очаровывала тебя сразу до такой степени, что тебе становилось как-то не по себе, особенно тогда, когда ты что-то понимаешь в этой жизни, потому что если прислушаться было к звукам этой песни, то временами в ней ничего не было живого, настоящего, только какая-то страшно умелая игра голосов, особенно это слышали и чувствовали те, кто умел по настоящему слышать и слушать, что происходило между этими голосами, что делалось вообще за

ними во время этой песни, то неуловимое и незримое, что оставалось в конечном итоге в сухом остатке после всего этого пения...

Невольно создавалось впечатление, что эти люди, эта семья, каждый раз в такие моменты выполняет чей-то тайный приказ, кем-то когда-то отданный им, и который они когда-то приняли для себя, как закон. Как закон для их дальнейшей жизни, точнее, дальнейшего существования на этой земле в этом городе. И в этом, наверное, была главная сила «вечности» этой семьи, её невозможной непотопляемости при любой власти в этом постоянном обмене своих жизней на служении чем-то ради неё, где ты послушно, со смирением принимаешь очередные правила игры на новой шахматной доске, где ты всегда будешь играть черными, потому что таково первое условие таких игр, их правил. Но эту семью все условности этой игры давно уже не волновали, не беспокоили, они ещё при батюшке-царе приняли эти правила игры, и всегда играли, за редким исключением, по правилам год за годом, только время от времени меняли на себе вышиванки, которые очень быстро выгорали под разными солнцами.

В тот осенний холодный вечер я попал в их квартиру под видом командировочного из московского ЧК, соратника чуть ли не самого Железного Феликса. Пройдя почти все комнаты, набитые людьми, я обратил внимание на одну странность. В каждой комнате на стенах висели чёрные квадраты из скорбной ткани, за которыми скрывались, когда я посмотрел, что было за ними, старые иконы в дорогих оправках. Необычным и кошунственным было то, что они все, без исключения, были разбиты и разломаны в куски, но потом аккуратно и заботливо собраны, и восстановлены, после чего бережно закрытые, завернуты в чёрные куски ткани, чтобы они не бросались в глаза, чтобы их никто не мог увидеть. Остановив какого-то маленького человечка, который шнырял между гостями, как бездомная собака, я спросил его об этом, на что он охотно доложил, что отец хозяйки дома – поп, и после того, как по велению нового времени, все иконы в доме были собраны в одно место и показательно разбиты перед всеми соседями, затем все их обломки были выброшены в самый дальний чулан дома. Но старик священник их нашёл и собрал обратно, как мог, и пригрозив, что проклянет всю семью до седьмого колена, поразвешивал их обратно на старые места при условии, что если кто-то будет приходить в их дом – гости или друзья по работе, то они перед их визитом будут обязательно завешиваться чем-то для соблюдения правил нового времени. Поэтому, когда каждый раз ты попадал в их квартиру, ты не мог отделаться от впечатления, что в ней в очередной раз кто-то умер, так как все иконы были завешаны тёмными тканями, как по древнему поверью зеркала в доме усопших, чтобы те не могли через зеркала вернуться обратно в мир живых. Но не успел этот любезный человек всё это мне рассказать и отойти от меня, как за входной дверью на лестничной площадке послышался какой-то шум, какая-то возня. Распахнув двери, сборище чекистов увидело перед собой в пьяном удивлении никелированную инвалидную коляску, которую каким-то чудом поднял на последний этаж бледный юноша в длинном пальто. В коляске, гордо выпрямившись, сидел абсолютно седой ещё нестарый мужчина в мундире полковника царской армии, полностью увешанный орденами и медалями за былые сражения, в трясущихся от ярости руках он держал наградной пистолет и пытался в них выстрелить. Бледный юноша с уже мёртвыми глазами отрешенно следил за своим отцом, потерявший почти всю свою семью в чекистских застенках, только они вдвоем ещё оставались каким-то чудом в живых на свободе, но это уже давно нельзя было назвать жизнью. И надо было прекращать эту так растянувшуюся во времени казнь. Вот для этого они и пришли, добрались сюда. Выбора все равно у них уже не было. Никакого...

Напряженная тишина вдруг разбилась об пьяный хохот солдат революции. Не прекращая весело смеяться, они подняли ветерана войны вместе с коляской и спокойно, и как-то даже буднично, почти без тени злорадства сбросили его в лестничный пролет. Потом, без промедления, туда же выбросили этого юношу, который даже не сопротивлялся им, оглушённый несколькими ударами перед этим для верности. После чего, даже не посмотрев вниз, они

пошли дальше продолжать веселье. Позже, уже расходясь по домам, они дострелили их вниз, чтобы не беспокоили своими стонами и криками жителей этого дома.

Вернувшись в страшную квартиру, я быстро нашёл комнату старика священника и вошёл в его кладовую, где у него хранились церковные одежды, старые рясы и другое культовое облачения. В молчаливом бешенстве я растворился среди них, неслышно скрылся в их намоленной тишине.

Никто из этой квартиры, кто участвовал в этой казни, не прожил долго. Со временем, я нашёл каждого из них, и уходили они из этого мира все по-разному...

15.02.2021

22:31 (время точное)

А что же было дальше? А дальше был Париж 1982 года. Газеты пестрели красно-черными заголовками о смерти Брежнева, но не они в этот день меня интересовали. Меня интересовало другое, совсем другое, то, как всегда необъяснимое и неясное до конца... то, что сейчас бежало, летело, просто несло передо мной по улицам Парижа, в виде прекрасной незнакомки (почти как у Блока), которая загадочно непонятно как ускользала от погони, которая была начата за ней несколько часов назад на Елисеевских полях. Да нет, пожалуй, раньше на той ещё улице, название которой я даже не успел запомнить, настолько стремительно и быстро я тогда выскочил за ней из-за угла почти из-за стены в начале той самой улицы, откуда она появилась на какие-то мгновения раньше меня, но странным образом этих самых мгновений ей хватило, чтобы сразу же оторваться, отдалиться от меня на безопасное для себя расстояние, оставляя за собой мне в подарок некую ожесточенную мантру, бесконечно раз повторяемую в успокоении для себя, которая с самого начала, как её услышал, стала причинять мне почти физическую боль во всем теле, в моей душе приглушенную и непонятную. Что они означали эти её беспрестанно повторяемые слова? Разобрать было трудно, только два слова в её злой молитве слышались ясно и они означали – ненавижу нежность... ненавижу нежность... Непрерывно мучительно проговариваемые почти ежесекундно, явно для меня, трогательно-беззащитным и одновременно извращенно-манящим голосом, он мог свести с ума любого, любого нормального человека в первые же минуты своего звучания рядом, но, к счастью, я уже давно таким не был и это обстоятельство, вероятнее всего, меня сейчас и спасало от такого вида наказания от неё или, скорее всего, ничем не прикрытой попытки уничтожения меня таким образом. И это означало, что непонятно ещё кто за кем гнался, кто за кем охотился, я за ней или она за мной?

Почему я вообще преследовал её в Париже именно теперь, именно в этот год? Для меня тогда и сейчас это так и осталось загадкой. В тот момент, перед самым началом того преследования, я вдруг почувствовал в своем покое, в своем настоящем, такой знакомый моей прежней памяти самурай дух саки, дух убийцы, стремительно промелькнувший где-то рядом со мной, и я не смог остаться равнодушным, спокойным к его появлению рядом, хорошо зная, понимая, что он означает, что принесет в тот мир, в то время, в которое он тогда направлял свое создание, отягощённое им...

Привычным усилием воли, почти невозможным, почти всегда невыносимым, я локализовал для себя это существо, стремительно индифицируя его в необозримом пространстве вокруг себя и тут же, не теряя больше ни секунды, выскочил на ту парижскую улицу, в то самое время, когда носителю этого духа, а точнее такой невозможно прекрасной носительнице, уже удалось оторваться от меня на пару десятков метров и её пленительная фигурка уже почти исчезала от меня за углом этой улицы, теряясь в толпе спешащих по ней людей.

Изысканно и в то же время очень просто одета, эта девушка, а это была именно девушка, в которой была заключена столько привычная для меня когда-то убийственная субстанция из запредельного зла, была настолько привлекательна, настолько неотразима, что одного взгляда

на неё было достаточно, чтобы поработиться ею, быть наказанным её красотой, своей предательски возникшей любовью к ней, любовью без памяти в буквально смысле слова, чтобы за тем, после всего мучительно сходить с ума по ней, при этом, переполняясь низменными желаниями к ней, как чёрным гноем, которое она умышленно вызывала каждым своим движением именно для тебя. Свою красоту, невозможную привлекательность и почти ничем нескрываемую страстность, она давно превратила в свое смертельное оружие, страшное и неминуемо обреченное для любого, кто имел неосторожность хоть раз обратить на неё свое внимание, остановить хотя бы на пару секунду свой взгляд на неё, и неважно был ли это мужчина, или была женщина. Для её просто убийственного темперамента это не имело никакого значения, никакой разницы. Она просо пожирала, уничтожала без остатка и тех, и других своей страшной любовью.

Не оглядываясь и ни разу не обернувшись, это волшебное сумрачное создание не давало к себе приблизиться во время преследования даже на несколько метров, да что там говорить даже на метр ближе к этому расстоянию, которое она для себя определила как неопасное. Непрерывно следя за ней среди мелькающих мимо неё людей, я не мог избавиться от ощущения, что она точно так же, как и я, неотрывно и пристально следит и за мной, за каждым моим движением к ней. Как только я ускорял свое преследования, она в тот же самый момент незримо ускоряла и своё движение настолько же. Сменялись перекрестки, улицы, тротуары, площади, какие-то дворы, но она все равно ни на секунду не давала возможности к себе приблизиться ни на мгновение, будто уже начала играть со мной, развлекаясь. Всё так же по-прежнему необъяснимо манящая с откровенно животной привлекательность, она продолжала уводить меня все дальше и дальше, от того места, где я её впервые увидел, поймал только взглядом. Что-то было в ней такое, что постоянно и странно её отличало от тех людей, которые проходили, пробегали мимо неё. Словами это было трудно передать, её просто завораживающая необычность, диковинность и вместе с тем, ничем не скрываемая доступность, создавали вокруг неё такую магическую атмосферу, что многие, не желая этого, оборачивались, чтобы посмотреть на неё ещё раз, при чем делали это так, как будто стеснялись, стыдились самих себя в эту минуту. В чем был этот секрет – некоторых при одном взгляде хочется отвести куда-то и сразу раздеть, а глядя на других даже такой мысли не возникает. Эта девушка, точнее, то что скрывалось за ней, явно принадлежало к первому варианту такого решения, но за всё в этом мире приходится платить, особенно за свои тайные желания...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.